

Эмиль Золя

3-81

P28746

Осада
мельницы

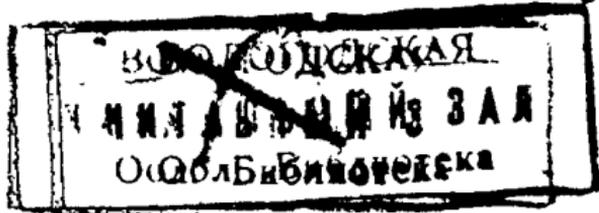
КНИГА
В СОБРАНИИ

Эмиль Золя

ОСАДА МЕЛЬНИЦЫ

Перевод с французского
Е. А. Гунста

28946.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы
МОСКВА — 1911

Редактор Ю. Д а н и л и н

Тираж 100 000. Подписано к печати 25/VII 1941 г.
А88880. Печ. л. 13/4. 1,62 авт. л. В печ. л. 50 672 зн.

Цена 25 коп.

6-я типография треста «Полиграфкнига».
Москва, 1-й Самотечный пер., 17. Зак. № 781.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть «Осада мельницы», впервые напечатанная в русском журнале «Вестник Европы», в 1877 году, принадлежит к числу лучших произведений французской литературы. В сжатой, напряженной драматической форме Эмиль Золя касается здесь событий пережитой им франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Особенность повести Золя, сравнительно с произведениями других французских авторов, писавших в 70-х годах на ту же тему, заключается в его стремлении как можно точнее передать жизненную правду. Он не хотел изображать людей на ходулях, идеализированных героев или утрированных злодеев; он изображает только живых людей во всей смене их внутренних переживаний; наконец, он с большой художественной смелостью вплетает свой трагический эпизод в рамку идиллической жизни природы. И от всего этого изображаемые им люди только выигрывают в своей правдивости, в рельефности и реалистической полноте своего облика, а героизм обитателей скромной мельницы приобретает черты чего-то антично величавого.

Овладев мельницей, враги схватывают молодого Доминика и превращают его казнь в утонченное зверство. Прусский офицер дважды выводит Доминика на расстрел и дважды безуспешно пытается сломить его стойкую честность и превратить этого простого, скромного деревенского парня в предателя. Такой же попытке подвергается и дядюшка Мерлье. Наконец, и Франсуаза не избегает столь же гнусных моральных истязаний: ее заставляют выбирать, кто ей дороже — отец или жених, и принести одного в жертву другому.

В истории мировой литературы имя Золя известно, как имя писателя, полного величайшей честности и мужества в отстаивании своей правоты, своих убеж-

дений. Он блестяще засвидетельствовал это благородным участием в деле Дрейфуса. Слово такого писателя полно веса. В своей повести он желал быть объективным, и если он все же разоблачает и осуждает жестокость пруссаков-победителей, кто может сомневаться в правоте и обоснованности его приговора?

Ныне на нас, жителей мирного и трудолюбивого Советского Союза, движется войной немецкий фашизм. Те зверства, тот ужас и мрак, которые несет с собой этот кровавый поработитель народов, уже не идут ни в какое сравнение с ужасами войны 1870—1871 гг. И если посторонний войне Доминик схватился тогда за ружье, то в руках граждан СССР ружье Доминика бьет в тысячу раз более метко!

Золя умер всего 39 лет тому назад. Активный создатель человеческой культуры, великий гуманист-демократ, сторонник социализма, наследник всех лучших и передовых стремлений человеческой культуры, враг всякой тьмы, обскурантизма, реакции, — Эмиль Золя всем своим творчеством, всей жизнью, каждой мыслью мог бы быть только непримиримым врагом фашизма.

Ведь фашизм является не только продолжателем подлых традиций пруссачества 1870—1871 гг. — его разнузданной жестокости и стремления раздавить все окружающие народы военным сапогом. Пруссачество возведено фашизмом в огромную степень, бесконечно усилено новыми, невиданными раньше формами жестокости по отношению к мирному населению. Фашизм сеет ужас, порождает к себе ненависть среди поработанных им народов. Но он рождает в них и стихийную волю к отпору.

Вот почему приговор, вынесенный прусским зверствам 1870—1871 гг. благородным французским писателем-патриотом, будет клеймить и фашистских варваров наших дней несмываемым проклятием искусства.

Ю. Данилин.

ГЛАВА I

В тот прекрасный летний вечер на мельнице дядюшки Мерлье было большое торжество. На дворе стояло три стола, приставленных друг к другу, в ожидании гостей. Вся округа знала, что в этот день должно состояться обручение Франсуазы, дочери Мерлье, с Домиником. Этот парень слыл бездельником, но все женщины на три лье в округе заглядывались на него, — так он был хорош собою.

Мельница дядюшки Мерлье была поистине отрадным уголком. Она стояла как раз в середине Рокрёза, в том месте, где столбовая дорога образует поворот. Село это состоит из одной единственной улицы с двумя рядами домишек по сторонам; но тут, у поворота, расстилаются луга, и высокие деревья, что тянутся вдоль течения Морели, покрывают низину великолепной тенью. Во всей Лотарингии не найти более восхитительного уголка. Справа и слева густые вековые леса тянутся по отлогим холмам, закрывая горизонт целым морем зелени, а к югу простирается долина, сказоч-

но плодородная, с уходящими в бесконечность участками, разделенными живою изгородью. Но особенной прелестью Рокрёза является прохлада этой зеленеющей ложбины даже в самые знойные июльские и августовские дни. Морель берет начало в Ганьийских лесах и словно заимствует прохладу у листвы, под которой она течет на протяжении многих лье; она несет с собою невнятные звуки, студеную и задумчивую тень лесов. И не от нее одной здесь прохладно: множество ручейков поет под сенью леса, на каждом шагу пробиваются ключи. Когда идешь по узким тропинкам, то чувствуешь под ногами словно подпочвенные озера: они проступают сквозь мох и пользуются малейшей скважиной у подножья ствола, в расщелине скал, чтобы излиться наружу прозрачным ключом. Рокочущие голоса этих ручейков так многочисленны и громки, что заглушают пение снегирей. Ты словно в заколдованном саду, где там и тут струятся водопады.

Луга, расположенные ниже, затоплены водой. Гигантские каштаны отбрасывают черную тень. Длинные вереницы тополей окаймляют лужайки шелестящей завесой. Две аллеи огромных платанов тянутся через поля к старинному замку Ганьи, превратившемуся ныне в развалины. На этой беспрестанно орошаемой земле растет трава непомерной высоты. Это как бы цветник между двух лесистых холмов,

Но цветник естественный, где газоном являются луга, а деревья-великаны образуют огромные клумбы. В полдень, когда солнце светит отвесно, тени принимают синие оттенки, разогретые травы спят на припеке, а под листвою тем временем проносится ледяное дуновение.

Этот-то уголок, поросший буйной травой, и оживляла своим постукиванием мельница дядюшки Мерлье. Постройка, сооруженная из штукатурки и досок, казалась древнею, как мир. Она наполовину окуналась в Морель, образующую в этом месте прозрачный затон. Тут была устроена плотина, и вода падала с высоты нескольких метров на мельничное колесо, которое вертелось, поохивая и протяжно кряхтя, как иная преданная служанка, дожившая в семье до старости. Когда дядюшке Мерлье советовали сменить колесо, он качал головою, говоря, что новое будет ленивее старого и хуже будет знать свое дело, и он чинил колесо всем, что попало ему под руку: бочарной клепкой, ржавым железом, цинком, свинцом. После этого колесо, с его причудливыми очертаниями, разукрашенное травами и мхом, казалось еще жизнерадостней. Когда вода била по нему своею серебристою струею, колесо покрывалось жемчужными зернами, и мелькание его причудливого остова виднелось сквозь ослепительный блеск перламутровых ожерелий.

Та часть мельницы, что купалась в Морели, напоминала разрушенный варварский мост. Добрая половина жилья была построена на сваях. Вода забиралась под пол; тут были бо чаги, славившиеся во всей округе огромными угрями и раками, которые в них водились. Ниже водопада заводь была гладка, как зеркало, и когда колесо не мутило ее пеной, в ней можно было разглядеть стаи крупных рыб, плававшие с медлительностью эскадры. К реке, возле сваи, где была привязана лодка, спускалась поломанная лестница. Над колесом была перекинута деревянная галлерейка. Сюда выходили неравномерно прорубленные окна. Все это представляло собою нагромождение закоулков, простенков, позднейших пристроек, столбов, балок, перекрытий, придававших мельнице вид полуразрушенной старой крепости. Но плющ разросся, всевозможные ползучие растения прикрыли слишком большие прорехи и одели ветхое строение в зеленый наряд. Барышни, гулявшие около мельницы дядюшки Мерлье, зарисовывали ее в свои альбомы.

Со стороны дороги дом был попрочнее. Каменное крыльцо выходило на обширный двор, окруженный амбарами и конюшнями. Огромный вяз у колодца покрывал тенью полдвора. В глубине стоял дом; во втором его этаже виднелись четыре окна, над которыми возвышалась голубятня. Все щегольство дядюшки

Мерлье ограничивалось тем, что раз в десять лет он красил фасад своей мельницы. Его как раз только что побелили, и в полуденные часы, когда на нем играло солнце, он ослепительно сиял на все село.

Дядюшка Мерлье уже двадцать лет был мэром Рокрёза. Его уважали за богатство, которое он сумел накопить. Состояние его, сколоченное по грошам, определяли тысяч в восемьдесят. Когда он женился на Мадлене Гийар, принесшей ему в приданое мельницу, у него не было ничего, кроме рук. Но Мадлене не пришлось раскаиваться в своем выборе, таким молодцом показал он себя в хозяйстве. Теперь он был вдовцом и жил со своей дочерью Франсуазой. Конечно, он мог бы отдохнуть, предоставив мельничному колесу дремать во мхах; но ему тогда стало бы слишком скучно, и дом показался бы ему мертвым. Он продолжал работать удовольствия ради. Дядюшка Мерлье был в то время высокий старик с продолговатым спокойным лицом; он никогда не смеялся и тем не менее в душе был весельчаком. Его выбрали в мэры из уважения к его деньгам, а также за ту красивую осанку, которую он умел принимать, заключая браки.

Франсуазе Мерлье только что исполнилось восемнадцать лет. Она не принадлежала к числу местных красавиц, потому что была довольно хилой. До пятнадцати лет она была даже дурнушкой. В Рокрёзе не могли понять,

почему дочь столь дородных родителей, как дядюшка и тетушка Мерлье, подрастает так плохо и имеет такой жалкий вид. Но в пятнадцать лет, оставаясь попрежнему хрупкой, Франсуаза развилась и стала прелестной. У нее были черные волосы, черные глаза, и в то же время она была вся розовая; рот ее постоянно смеялся, на щеках были ямочки, на ясном лбу всегда как бы сиял солнечный венец. Хоть и слабая (для тех мест), она все же не была худа, отнюдь нет; когда ее называли хилой, просто хотели сказать, что она не подняла бы мешка с зерном; она постепенно становилась пухленькой, а со временем должна была сделаться пышной и лакомой, как перепелка. Но постоянная молчаливость отца рано сделала ее рассудительной. Если она все же смеялась, так это для того, чтобы сделать приятное окружающим. В душе она была серьезной.

Само собою разумеется, что вся округа за ней ухаживала, и не столько из-за денег, сколько из-за ее миловидности. В конце концов она сделала выбор, вызвавший всеобщее негодование. На другом берегу Морели жил высокий парень по имени Доминик Панкэ. Он не был уроженцем Рокрёза. Десять лет тому назад он приехал из Бельгии, чтобы получить наследство, оставленное ему дядей и состоявшее из небольшой усадьбы на самой опушке Ганьийского леса, как раз против мельницы,

на расстоянии нескольких ружейных выстрелов. Он приехал, по его словам, с тем, чтобы продать хутор и сразу же вернуться домой. Но, видно, местность эта прельстила его, ибо он тут и остался. Он стал возделывать свой клочок земли, собирал с него некоторое количество овощей и этим жил. Он ловил рыбу, охотился; лесничим несколько раз чуть было не удалось поймать его и составить на него протокол. Это свободное существование, основа которого была не совсем понятна крестьянам, в конце концов составило ему дурную славу. Его считали отчасти браконьером. Во всяком случае, это был лентяй, потому что часто его заставляли спать в траве в такое время, когда ему следовало бы работать. Лачуга, в которой он жил, под самыми крайними деревьями леса, тоже не была похожа на жилище порядочного малого. Если бы оказалось, что он поддерживает отношения с волками из развалин Ганьийского замка, то это несколько не удивило бы местных старух. Но девушки иной раз все же отваживались заступиться за него — уж очень этот подозрительный парень был хорош собою: стройный и высокий, как тополь, с белой кожей, с белокурыми волосами и бородкой, казавшейся на солнце золотою. И вот однажды утром Франсуаза объявила дядюшке Мерлье, что любит Доминика и ни за что не согласится выйти за другого парня.

Можно себе представить, какой это был удар для дядюшки Мерлье! По обыкновению, он промолчал. Лицо его осталось, как всегда, сосредоточенным, но обычная веселость уже не светилась в глазах. В продолжение недели они друг на друга дулись. Франсуаза тоже стала хмурой. Особенно мучило дядюшку Мерлье желание узнать: каким образом этому негодяю браконьеру удалось заворожить его дочь? Доминик никогда не бывал на мельнице. Старик стал наблюдать и обнаружил любезника на том берегу Морели, в траве, где он улегся, притворяясь, будто спит. Франсуаза могла его видеть из своей комнаты. Дело было ясное: они, должно быть, влюбились друг в друга, перемигиваясь поверх мельничного колеса.

Тем временем прошла еще неделя. Франсуаза становилась все мрачнее. Дядюшка Мерлье попрежнему молчал. Потом как-то вечером, ничего не сказав, он сам привел Доминика. Франсуаза в это время как раз накрывала на стол. Она, казалось, ничуть не удивилась и ограничилась тем, что поставила лишний прибор; лишь ямочки на ее щеках вновь обозначились, и снова зазвучал ее смех. Утром дядюшка Мерлье отправился к Доминику, в его лачугу на опушке леса. Тут мужчины проговорили три часа, предварительно заперев все двери и окна. Никто так и не узнал, о чем они могли толковать. Одно достоверно, что,

уходя оттуда, дядюшка Мерлье относился к Доминику уже по-отцовски. Несомненно, в этом лентяе, который валялся в траве и влюблял в себя девушек, старик нашел именно такого парня, какого искал: порядочного парня.

Весь Рокрёз злословил. Женщины, стоя на крылечках, не могли наговориться о том, как безрассуден дядюшка Мерлье, что вводит к себе в дом бездельника. Он не обращал на эти толки никакого внимания. Быть может, он припомнил свою собственную женитьбу. У него тоже не было ни гроша за душою, когда он женился на Мадлене и на ее мельнице; это, однако, не помешало ему стать хорошим мужем. К тому же Доминик сразу положил конец сплетням: он так рьяно взялся за работу, что вся округа была изумлена. Как раз в это время работник с мельницы вытянул жребий, и Доминик ни за что не захотел, чтобы наняли другого. Он переносил мешки, возил тележку, воевал со старым колесом, когда оно заставляло себя упрашивать, переставая крутиться, и делал все это с такой охотой, что люди приходили ради удовольствия на него посмотреть. Дядюшка Мерлье тихонько посмеивался. Он очень гордился, что разгадал этого парня. Ничто так не вдохновляет молодежь, как любовь.

Франсуаза и Доминик, занятые этой тяжелой работой, обожали друг друга. Они мало разговаривали между собою, зато перегляды-

вались, нежно улыбаясь. Дядюшка Мерлье еще ни слова не говорил о свадьбе; и оба они относились с уважением к этому молчанию, дожидаясь воли старика. Наконец, как-то в середине июля он велел выставить на дворе, под старым вязом, три стола и пригласил своих рокрѣзских друзей притти к нему вечером выпить по стаканчику. Когда двор наполнился и каждый взял в руки стакан, дядюшка Мерлье высоко поднял свой и сказал:

— Так вот. Имею удовольствие объявить вам, что через месяц, в день святого Людовика, Франсуаза выйдет замуж вот за этого молодца.

Тут стали шумно чокаться. Все смеялись. А дядюшка Мерлье, возвысив голос, добавил:

— Доминик, поцелуй невесту. Так полагается.

И они, зардевшись, поцеловались под усилившийся смех гостей. Это был истинный праздник. Был опорожнен целый боченок. Потом, когда остались только самые близкие, завязалась мирная беседа. Наступила ночь, — звездная и очень светлая. Доминик и Франсуаза, сидевшие рядом на одной скамье, молчали. Один старик-крестьянин стал рассуждать о войне, которую император объявил Пруссии. Все парни из села уже отправились в армию. Еще накануне тут прошли войска. Крепко сшибутся!

— Ну, — сказал дядюшка Мерлье с эгоизмом счастливого человека, — Доминик — иностранец, ему не итти. А если пруссаки придут, он защитит свою жену.

Мысль о том, что пруссаки могут притти, показалась забавной шуткой. Им дадут хорошую взбучку, и все это скоро кончится.

— Я уж их видывал, я уж их видывал, — повторил глухим голосом старик-крестьянин.

Наступило молчание. Потом снова чокнулись. Франсуаза и Доминик ничего не слышали; втихомолку за лавкой, незаметно для окружающих, они взялись за руки, и это показалось им таким сладостным, что они застыли, устремив взоры во тьму.

Что за теплая дивная ночь! По обеим сторонам белеющей дороги в младенческой безмятежности засыпало село. Лишь изредка раздавалось пение какого-нибудь не во-время проснувшегося петуха. Из больших соседних лесов долетали медлительные дуновенья, касавшиеся крыш, словно ласка. Луга, с их черными тенями, приобрели таинственное и сосредоточенное величие, в то время как все источники, все воды, струившиеся во тьме, казались свежим и размеренным дыханием уснувшей природы. Порою можно было подумать, что старое мельничное колесо дремлет и что ему снится что-то, как старой сторожевой собаке, лающей во сне; оно покрякивало, разговаривало само с собою, убаюкиваемое во-

допадом Морели, воды которой отражали звуки с мелодичностью и протяжностью органной трубы. Никогда еще столь всеобъемлющий мир не спускался на столь счастливый уголок земли.

Г Л А В А II

Месяц спустя, день в день, как раз в канун святого Людовика, Рокрёз был в смятении. Пруссаки разгромили императора и усиленным маршем приближались к селу. Уже целую неделю люди, проходившие по дороге, приносили весть о появлении пруссаков: «они в Лормьере» или «они в Новелле», и от слухов об их быстром приближении рокрёзцы каждое утро как будто уже видели, как они спускаются через Ганьийские леса. А между тем они не появлялись, и это пугало еще больше. Всего вероятнее, они нагрянут ночью и всех перебьют.

В предшествующую ночь, незадолго до рассвета, поднялась тревога. Жители проснулись от сильного шума, доносившегося с дороги. Женщины уже бросились на колени и начали креститься, когда крестьяне, осторожно приотворив окна, разглядели красные шаровары. Оказалось, что это французский отряд. Командир тотчас же потребовал местного мэра и после разговора с дядюшкой Мерлье остался на мельнице.

98446.

В тот день солнце вставало весело. К полудню стало жарко. Над лесами реяло желтоватое марево, в то время как с низин, над пастбищами, подымался белый пар. Опрятное и красивое селение просыпалось в свежести, и вся окрестность, с рекою и фонтанами, походила на изящный, окропленный росой букет. Но эта дивная погода никого не радовала. Многие видели, как командир ходил вокруг мельницы, осматривал соседние дома, переправлялся на тот берег Морели и в бинокль изучал местность; сопровождавший его дядюшка Мерлье, как видно, давал пояснения. Затем командир расставил солдат за стенами, за деревьями, в ямах. Основная часть отряда расположилась на дворе мельницы. Неужели предстоит стычка? Когда дядюшка Мерлье вернулся, его стали расспрашивать. Он медленно повел головою и не ответил ни слова. Да, предстоит стычка.

Франсуаза и Доминик стояли тут же, на дворе, и смотрели на старика. Наконец он вынул изо рта трубку и просто вымолвил:

— Ах, бедные мои ребятишки, завтра-то поженить вас не придется...

Доминик стоял, поджав губы, сердито наморщив лоб, и изредка приподымался, впиваясь глазами в Ганьийские леса, словно ему хотелось воочию убедиться в приближении пруссаков. Франсуаза, очень бледная, нахмуренная, ходила взад и вперед, подавая солда-

там, кому что требовалось. Они варили себе похлебку на дворе, в сторонке, и шутили в ожидании еды.

Между тем командир, казалось, был в восторге. Он осмотрел все комнаты и большую залу, выходящую на реку. Теперь он уселся у колодца и беседовал с дядюшкой Мерлье.

— У вас тут настоящая крепость, — говорил он. — Мы легко продержимся до вечера... Разбойники эти что-то запаздывают. Они должны бы уже быть здесь.

Мельник попрежнему был угрюм. Он уже представлял себе, как его мельница полыхает факелом. Но он не жаловался, считая это бесполезным. Он только промолвил:

— Вы бы приказали спрятать лодку за колесо. Там есть впадина, куда она войдет. Быть может, она еще пригодится.

Командир отдал соответствующее распоряжение. Это был красивый мужчина лет сорока, высокий, с приятным лицом. Вид Франсуазы и Доминика, казалось, радовал его. Он занялся ими, словно позабыв о предстоящей схватке. Он глазами следил за Франсуазой, и было ясно видно, что она ему нравится. Потом он повернулся к Доминику и неожиданно спросил:

— А почему вы не в армии, приятель?

— Я иностранец, — ответил юноша.

Командиру, повидимому, этот ответ показался малоубедительным... Он прищурился и

улыбнулся. Конечно, приятнее иметь дело с Франсуазой, чем с пушкой. Тогда, видя, что он улыбается, Доминик прибавил:

— Я иностранец, но я всаживаю пулю в яблоко на расстоянии пятисот метров... Да вот мое охотничье ружье стоит сзади вас.

— Оно может вам пригодиться, — просто ответил командир.

К ним подошла Франсуаза; она слегка дрожала. А Доминик, не обращая внимания на окружающих, взял и сжал ее руки, которые она протянула к нему, как бы ища у него защиты. Командир снова улыбнулся, но больше не проронил ни слова. Он сидел, поставив саблю между ног, устремив взгляд в пространство, и, казалось, мечтал.

Было уже десять часов. Становилось очень жарко. Всюду разлилась тяжелая тишина. На дворе, в тени амбаров, солдаты расположились на еду. Ни единого звука не доносилось из села, где жители забаррикадировали свои дома, двери и окна. Выла какая-то собака, оставшаяся на дороге одна-одинешенька. Из окрестных лесов и пастбищ, разомлевших от зноя, доносился отдаленный протяжный гул, сложившийся из разрозненных дуновений. Прокуковала кукушка. Потом тишина стала еще глубже.

Вдруг в уснувшем воздухе разнесся звук выстрела. Командир проворно встал, солдаты побросали котелки с недоеденной похлебкой.

В несколько мгновений все уже были на своих боевых постах; мельница оказалась занятой ими сверху донизу. Между тем командир, выйдя на дорогу, ничего не смог разглядеть; совершенно белая дорога и справа и слева была пуста. Раздался второй выстрел, а попрежнему никого, ни малейшей тени не видно. Но, повернувшись, он заметил в направлении от Ганьи, между двумя деревьями, струйку дыма, улетающую, как осенняя паутинка. Бор попрежнему казался дремучим и кротким.

— Негодяи укрылись в лесу, — прошептал он. — Они знают, что мы здесь.

Тут между французскими солдатами, расположившимися на мельнице, и пруссаками, скрытыми за деревьями, началась перестрелка, постепенно принимавшая все более упорный характер. Пули свистели над Морелью, не причиняя урона ни той, ни другой стороне. Выстрелы следовали беспорядочно, стреляли из-за каждого куста; попрежнему виднелись лишь легкие дымки, мягко покачиваемые ветром. Так длилось часа два. Офицер с безразличным видом напевал песенку. Франсуаза и Доминик, оставшиеся на дворе, приподнимались и выглядывали поверх низенькой стены. Их внимание особенно привлекал один солдатик, спрятавшийся на берегу Морели, за корпусом старого баркаса; он лежал на животе, выглядывал, стрелял, затем немного

сползал назад, в канаву, чтобы перезарядить ружье; движения его были так потешны, так ловки, что нельзя было смотреть на него без улыбки. Он, повидимому, увидел голову пруссака, ибо быстро встал и прицелился; однако, не успев еще выстрелить, он испустил крик, перевернулся кубарем и скатился в канаву, где ноги его на мгновение судорожно сжались, словно лапки зарезанного цыпленка. Солдатик был сражен в самую грудь. Это был первый убитый. Франсуаза бессознательно схватила руку Доминика и судорожно сжала ее.

— Не стойте тут, — сказал командир. — Пули долетают сюда.

И действительно, в старом вязе послышался легкий сухой треск, и обломанная ветка повисла, раскачиваясь. Но молодые люди, прикованные страшным зрелищем, не тронулись с места.

На опушку леса из-за дерева, словно из-за кулис, неожиданно выскочил, размахивая руками, пруссак и тут же упал навзничь. И все замерло; два мертвеца, казалось, спали на солнышке. В разомлевших полях попрежнему не было видно ни души. Даже ружейная трескотня смолкла. Одна только Морель прозрачно журчала.

Дядюшка Мерлье с удивлением посмотрел на командира, словно хотел спросить: конец ли это?

— Будет залп, — проговорил тот. — Берегитесь, не стойте здесь.

Он еще не успел договорить, как раздался страшный треск. Большой вяз словно скосило, в воздухе завертелись сорванные листья. К счастью, пруссаки прицелились слишком высоко. Доминик повлек, почти что унес Франсуазу, а дядюшка Мерлье следовал за ними, крича:

— Спрячьтесь в маленьком погребе! Там стены крепкие.

Но они не послушались его и вошли в залу, где человек десять солдат сидело молча в ожидании, закрыв ставни и поглядывая в щелки. Во дворе остался только командир; он притаился за стенкой, а яростные залпы не прекращались. Солдаты, расставленные им снаружи, отстаивали каждую пядь земли. Однако они исподволь стали возвращаться на мельницу, по мере того как неприятель выгонял их из засады. Им было приказано выгадать время, не показываться, чтобы пруссаки не знали, с какими силами имеют дело. Прошел еще час. Когда явился сержант и доложил, что снаружи осталось всего-навсего два-три человека, офицер посмотрел на часы, промолвив:

— Половина третьего... Ну, надо продержаться еще четыре часа.

Он приказал запереть главные ворота, и все было приготовлено для решительного сопро-

тивления. Ввиду того, что пруссаки находились на другом берегу Морели, можно было не опасаться немедленной атаки. Правда, в двух километрах отсюда был мост, но они вряд ли знали о его существовании, а попытка перейти реку вброд казалась маловероятной. Поэтому офицер распорядился ограничиться лишь наблюдением за дорогой. Все усилия должны были быть направлены в сторону полей.

Перестрелка снова прекратилась. Под палящим солнцем мельница казалась мертвой. Ни один ставень не был отворен, ни малейшего звука не доносилось изнутри. Между тем пруссаки стали постепенно появляться на опушке Ганьийского леса. Они высовывали головы, смелели. На мельнице многие солдаты уже стали было прицеливаться, но командир закричал:

— Нет, нет, погодите!.. Пусть подойдут.

Они приближались очень осторожно, с недоверием поглядывая на мельницу. Это старое здание, молчаливое, угрюмое, занавешенное плющом, тревожило их. Тем не менее они приближались. Когда их собралось в поле, перед мельницей, человек пятьдесят, офицер произнес одно лишь слово:

— Пли!

Раздался залп, за ним последовали разрозненные выстрелы. Франсуаза, вся дрожа, невольно поднесла руки к ушам. Доминик стоял

позади солдат и смотрел; когда дым рассеялся, он увидел, что посреди поля лежат на спине три пруссака. Остальные бросились к ивам и тополям. И осада началась.

Б течение часа на мельницу сыпались пули. Они стегали ее старые стены, словно град. Когда они попадали в камень, было слышно, как они сплющиваются и падают в воду. В дерево они вонзались с глухим шумом. Иногда треск возвещал о том, что задето колесо. Засевшие на мельнице солдаты берегли патроны и стреляли, если только можно было прицелиться. Время от времени командир поглядывал на часы. А когда одна пуля пробила ставень и засела в потолке, он прошептал:

— Четыре часа! Ни за что не выдержим!

И действительно, яростный обстрел постепенно подтачивал ветхую мельницу. Один ставень, изрешеченный, как кружево, сорвался в воду; пришлось заменить его матрацом. Дядюшка Мерлье то и дело высовывался, чтобы посмотреть, насколько повреждено колесо, от треска которого у него щемило сердце. На этот раз — кончено, его уже ни за что не починить. Доминик умолял Франсуазу уйти, но она хотела остаться с ним; она села за большим дубовым шкафом, который служил ей укрытием. А между тем одна пуля попала в этот шкаф, и стенки его злоюще загудели. Тогда Доминик заслонил собой

Франсуазу. Он еще не стрелял, он держал ружье в руках, но не мог подойти к окнам, так как они были заняты солдатами. При каждом залпе сотрясался пол.

— Смотри! Смотри! — вдруг крикнул офицер.

Он увидел, как из леса выползла густая темная масса. Тотчас же началась ураганная пальба. словно смерч прошел над мельницей. Отвалился еще один ставень, и в зияющее отверстие окна влетели пули. Двое солдат покатались на пол. Один из них уже не шевелился; его отпихнули к стене, чтобы он не мешал. Другой бился в судорогах, прося, чтобы его прикончили, но никто не обращал на него внимания. Пули все сыпались; каждый старался укрыться и найти бойницу, откуда можно было бы стрелять. Еще один солдат был ранен; этот не вымолвил ни слова и с безумным, остановившимся взглядом припал к столу.

Вид этих мертвецов привел Франсуазу в ужас; она бессознательно оттолкнула стул, на котором сидела, и опустилась на пол, прислонясь к стене; она чувствовала себя здесь менее заметной и в большей безопасности. Тем временем со всего дома собрали матрацы и снова наполовину заложили окно. Комната наполнялась обломками, разбитым оружием, распоротой мебелью.

— Пять часов, — сказал командир. — Дер-

житесь крепче. Они теперь попытаются переправиться через реку.

В это мгновение Франсуаза громко вскрикнула. Пуля, отскочившая рикошетом, слегка задела ей лоб. Выступило несколько капель крови. Доминик посмотрел на нее, потом, подойдя к окну, в первый раз выстрелил и с этой минуты уже не отходил от окна. Он заряжал, стрелял, не обращая внимания на окружающее, и только время от времени бросал беглый взгляд на Франсуазу. Он, однако, не торопился и тщательно прицеливался. Как командир и предвидел, пруссаки, прячась за рядами тополей, делали попытки перейти речку, но лишь только один из них решался выступить, он падал, пронзенный в голову пулей Доминика. Командир, следивший за этой игрой, был в изумлении. Он похвалил юношу, сказав, что был бы счастлив иметь побольше таких метких стрелков. Доминик не слышал его. Одна пуля задела ему плечо, другая контузила руку. А он все стрелял.

Еще двое были убиты. Разодранные матрасы уже не защищали окон. Казалось, еще залп — и мельница будет снесена. Положение становилось нестерпимым. Однако офицер твердил:

— Держитесь, держитесь... Еще полчаса.

Теперь он уже считал минуты. Он обещал начальству задержать противника до вечера

и не хотел ни на шаг отойти ранее часа, назначенного им для отступления. Он был все так же добродушен и улыбался Франсуазе, чтобы приободрить ее. Он поднял ружье убитого солдата и сам начал стрелять.

В комнате осталось только четыре солдата. На том берегу Морели появилось множество пруссаков, и было очевидно, что с минуты на минуту они переправятся через речку. Протекло еще несколько минут. Командир упорствовал, не желая отступать, как вдруг прибежал сержант и доложил:

— Они на дороге, они обходят нас с тыла!

Повидимому пруссаки отыскали мост. Командир вынул часы.

— Еще пять минут, — сказал он. — Раньше пяти минут они здесь не будут.

Немного спустя, ровно в шесть часов, он, наконец, согласился вывести людей через калитку, выходящую в проулок. Отсюда они бросились в канаву, а затем достигли Совальского леса. Перед уходом командир весьма вежливо попрощался с дядюшкой Мерлье и извинился перед ним. Он даже добавил:

— Отвлеките их... Мы вернемся.

Тем временем Доминик остался один в комнате. Он все стрелял, ничего не слыша, ничего не понимая. Он лишь чувствовал потребность защищать Франсуазу. Солдаты ушли, а он об этом и не подозревал. Он целился и каждым выстрелом приканчивал по

человеку. Вдруг послышался сильный шум. Пруссаки, войдя сзади, заполнили весь двор. Он выстрелил еще раз, и они навалились на него, в то время как его ружье еще дымилось.

Четыре человека держали его. Другие вопили вокруг на каком-то ужасном языке. Они чуть не задушили его на месте. Франсуаза бросилась вперед, умоляя. Тут вошел офицер и потребовал пленного. Обменявшись с солдатами несколькими фразами по-немецки, он обернулся к Доминику и резко сказал ему на превосходном французском языке:

— Через два часа вы будете расстреляны.

Г Л А В А И I I I

Германский главный штаб издал распоряжение: расстреливать всякого француза, не входящего в состав регулярной армии, но захваченного с оружием в руках. Это относилось даже к ротам добровольцев, которых Пруссия не признавала солдатами. Совершая такую жестокую расправу с крестьянами, защищавшими свои очаги, немцы хотели этим примером воспрепятствовать тому, чтобы за оружие взялись широкие слои населения, чего они опасались.

Офицер, высокий и сухой мужчина лет пятидесяти, подверг Доминика краткому допро-

су. Хотя он говорил по-французски очень чисто, в нем все же чувствовалась чисто прусская жесткость.

— Вы здешний?

— Нет, я бельгиец.

— Зачем же вы взялись за оружие? Все это не должно бы вас касаться.

Доминик не отвечал. В это мгновение офицер заметил Франсуазу; она стояла и слушала, сильно побледнев; на ее белом лбу красной полосой выделялась царапина. Он посмотрел поочередно на обоих, казалось, все понял и удовольствовался тем, что добавил:

— Вы не отрицаете, что стреляли?

— Я стрелял, насколько хватило сил, — спокойно ответил Доминик.

Это признание было излишне, ибо он был весь черный от пороха, весь в поту и испачкан каплями крови, просочившейся из ссадины на плече.

— Хорошо, — повторил офицер. — Через два часа вы будете расстреляны.

Франсуаза не вскрикнула. Она сложила руки и подняла их в немом отчаянии. Офицер заметил это движение. Двое солдат увели Доминика в соседнюю комнату, где они должны были стеречь его. У девушки подкосились ноги, она опустилась на стул; она не могла плакать, — она задыхалась. А офицер все смотрел на нее и в конце концов обратился к ней.

— Этот парень — ваш брат? — спросил он.

Она отрицательно покачала головой. Он стоял все так же невозмутимо, не улыбаясь. Потом, помолчав, спросил:

— Он давно тут живет?

Она, опять-таки кивком, отвечала: «да».

— Значит, он должен прекрасно знать соседние леса?

На этот раз она заговорила.

— Да, сударь, — промолвила она, смотря на него с некоторым удивлением.

Он ничего не добавил, а повернулся на каблуках и потребовал, чтобы к нему привели сельского мэра. Франсуаза встала, и легкий румянец покрыл ее лицо: ей показалось, что она поняла смысл этих расспросов, и надежда вернулась к ней. Она сама побежала за отцом.

Как только прекратилась перестрелка, дядюшка Мерлье проворно спустился на деревянную галлерею, чтобы осмотреть колесо. Он обожал дочь, он питал крепкую дружбу к Доминику, своему будущему зятю; но и мельничное колесо занимало немалое место в его сердце. Раз его ребяташки, как он их называл, вышли из перепалки целы и невредимы, он подумал о другой своей привязанности, — а эта-то пострадала значительно. И, склонясь над большим деревянным остовом колеса, он с озабоченным видом изучал

его раны. Пять лопастей были раскрошены в щепки, основная часть была изрешечена пулями. Он совал пальцы в пробитые отверстия, чтобы измерить их глубину; он обдумывал, каким образом можно будет поправить эти повреждения. Он уже заделывал пробойны обломками и мхом, когда за ним пришла Франсуаза.

— Отец, — сказала она, — они вас требуют.

И она расплакалась, передавая ему все, что только что услышала. Дядюшка Мерлье покачал головой. Так людей не расстреливают. Надо разобраться. И он вернулся на мельницу с обычным молчаливым и спокойным видом. Когда офицер потребовал у него провианта для солдат, он ответил, что рокрёзские жители не привыкли к грубому обращению и что от них ничего не добиться, если будет применено насилие. Он взялся все устроить, но при условии, что будет действовать один. Сначала офицера, казалось, рассердил этот спокойный тон; потом он уступил, поддавшись кратким и точным доводам старика. Он даже окликнул его, чтобы спросить:

— Как у вас называются эти леса, вот тут, напротив?

— Совальскими.

— А как далеко они простираются?

Мельник пристально посмотрел на него.

— Не знаю, — ответил он.

И ушел. Час спустя потребованная офицером контрибуция съестными припасами и деньгами лежала на мельничном дворе. Смеркалось. Франсуаза с тревогой следила за действиями солдат. Она не отходила от комнаты, где был заперт Доминик. Часов в семь она пережила смертельную тревогу: она увидела, как офицер вошел к пленнику, и в течение четверти часа слышала их голоса, которые постепенно все повышались. На мгновенье офицер появился на пороге, чтобы отдать по-немецки распоряжение, которого она не поняла; но когда двенадцать солдат пришли и выстроились в ряд во дворе, с ружьями в руках, — ее охватила дрожь, она почувствовала, что теряет сознание. Итак, все кончено: казнь совершится. Двенадцать солдат стояли уже минут десять, а голос Доминика раздавался попрежнему, причем в нем слышался резкий отказ. Наконец офицер вышел, яростно хлопнув дверью и сказав:

— Хорошо, обдумайте... Даю вам срок до утра.

И, сделав знак рукою, он распустил дождавшихся солдат. Франсуаза замерла в недоумении. Дядюшка Мерлье, продолжавший покуривать трубку, разглядывая взвод с видом простого любопытства, подошел к ней и по-отечески, ласково взял ее за руку. Он увел Франсуазу в ее комнату.

— Не волнуйся, — сказал он, — постарайся уснуть. Утро вечера мудренее, — завтра видно будет.

Уходя, он из предосторожности запер ее. Он был убежден, что женщины ни к чему не пригодны и что они только все портят, когда берутся за серьезное дело. Между тем Франсуаза не легла. Она долго сидела на постели, прислушиваясь к глухому шуму в доме. Расположившиеся во дворе немецкие солдаты пели и смеялись; повидимому, до одиннадцати часов они пили и ели, ибо возня не прекращалась ни на минуту. Время от времени и в самой мельнице раздавались тяжелые шаги, — вероятно, сменялись часовые. Но особенно привлекали ее внимание звуки, которые ей удавалось порою уловить из нижней комнаты. Она несколько раз ложилась на пол и прикладывалась к нему ухом. Как раз в этой комнате и был заперт Доминик. Повидимому, он расхаживал взад и вперед от стены к окну, ибо она долго слышала размеренный звук его шагов; потом наступила полная тишина — значит, он сел. Да и во всем доме шумы стали стихать, все засыпало. Когда ей показалось, что дом уснул, она как можно осторожнее отворила окно и облокотилась на подоконник.

На дворе стояла теплая ясная ночь. Узкий рог месяца, заходивший за Совальский лес, освещал местность, словно ночник. Длинные

тени высоких деревьев смешивались с чернотой лугов, а в освещенных местах трава казалась мягким зеленоватым бархатом. Но Франсуаза не обращала внимания на таинственную прелесть ночи. Она всматривалась в местность, разыскивая часовых, которых немцы, вероятно, расставили кругом. Она отлично различала их тени, тянувшиеся вдоль реки. Против мельницы, на той стороне реки, стоял только один часовой — неподалеку от ивы, ветви которой окунались в воду: Франсуаза ясно видела его. Это был высокий малый, стоявший неподвижно, обратив лицо к небу, с мечтательным видом пастуха.

Тщательно осмотрев местность, она опять уселась на постель. Целый час она просидела в глубоком раздумьи. Потом снова прислушалась: в доме не было слышно ни малейшего звука. Она опять подошла к окну, выглянула; но, очевидно, кончик месяца, еще видневшийся за деревьями, показался ей помехой, ибо она снова принялась выжидать. Наконец она решила, что час настал. Ночь была темная, она уже не различала ближайшего часового; кругом расстилалась словно чернильная лужа. Она прислушалась мгновение и... решила. Поблизости, у окна, находилась железная лестница со вделанными в стену перекладинами; она шла от колеса на чердак и некогда служила мельникам для осмотра мельничного колеса; впо-

следствии механизм был переделан, и лестница уже с давних пор заросла густым плющом, покрывавшим всю эту часть мельницы.

Франсуаза храбро перешагнула через подоконник, ухватилась за одну из перекладин и повисла в пустоте. Она стала спускаться. Юбки сильно мешали ей. Вдруг от стены отделился камушек и со звонким всплеском упал в Морель. Похолодев от страха, она остановилась. Потом сообразила, что несмолкаемый гул плотины заглушит на некотором расстоянии весь шум, который она может произвести; тогда она стала спускаться смелее, нащупывая ногою плющ, пробуя перекладины. Достигнув уровня комнаты, служившей Доминику тюрьмой, она остановилась. Непредвиденное затруднение чуть было не лишило ее мужества: нижнее окно было пробито не совсем под окном ее комнаты, оно отошло в сторону от лестницы, и когда Франсуаза протянула руку, то наткнулась на стену. Неужели ей придется вернуться наверх, так и не доведя своего намерения до конца? Руки ее начали уставать, журчание Морели, доносившееся снизу, вызывало у нее головокружение. Тогда она отковырнула от стены несколько кусочков известки и бросила их в окно Доминика. Он не услышал; повидимому, он спал. Она еще накрошила штукатурки, ободрав себе пальцы. Она совсем уже выби-

лась из сил и чувствовала, что падает навзничь, когда наконец Доминик осторожно отворил окно.

— Это я, — прошептала она. — Поддержи меня скорее, я падаю.

Она в первый раз говорила ему «ты». Он свесился, подхватил ее и перенес в комнату. Здесь она разразилась слезами, но заглушала всхлипывания, чтобы ее не услышали. Потом сделала над собою усилие и успокоилась.

— Вас сторожат? — спросила она шопотом.

Доминик, еще не пришедший в себя от изумления, что она тут, ответил лишь жестом, указав на дверь. За стеною раздавался храп; повидимому, часовой, поддавшись сну, лег на пол, под дверью, решив, что так пленнику не уйти.

— Надо бежать, — с живостью продолжала она. — Я пришла, чтобы упросить вас бежать и чтобы проститься с вами.

Но он, казалось, не слышал ее. Он твердил:

— Как же это... Это вы, это вы... Ох, как вы меня напугали! Вы могли разбиться.

Он взял ее за руки, поцеловал их.

— Как я люблю вас, Франсуаза! Вы так же решительны, как и добры. Я боялся только одного: что придется умереть, не повидавшись с вами... Но вот вы тут, и теперь они

могут меня расстрелять. Проведя с вами четверть часа, я буду готов ко всему.

Понемногу он привлек ее к себе, и она положила голову ему на плечо. Опасность сближала их. Обнявшись, они забыли обо всем.

— Ах, Франсуаза, — продолжал ласково Доминик, — сегодня день святого Людовика, долгожданный день нашей свадьбы! Ничто не смогло разлучить нас, раз мы с вами все-таки вместе, наедине, верные назначенному свиданию... Не правда ли, ведь сейчас как раз утро перед свадьбой?

— Да, да, — повторила она, — утро перед свадьбой.

Дрожа, они поцеловались. Но она вдруг высвободилась; страшная действительность предстала перед нею.

— Надо бежать, надо бежать, — твердила она. — Дорога каждая минута.

А когда он протянул впотемках руки, чтобы снова обнять ее, она опять обратилась к нему на «ты»:

— О, прошу, выслушай меня... Если ты умрешь, я тоже умру. Через час рассвет. Я хочу, чтобы ты ушел немедленно.

Тут она наскоро объяснила свой план. Железная лестница доходит до колеса; он сможет ухватиться за лопасти и сойти в лодку, стоящую в углублении. Затем он без труда доберется до того берега и скроется.

— Но ведь там должны стоять часовые? — сказал он.

— Один единственный, прямо против мельницы, под первой ивой.

— А если он меня заметит, если вздумает кричать?

Франсуаза вздрогнула. Она сунула ему в руку нож, захваченный ею сверху. Наступило молчание.

— А ваш отец, а вы? — продолжал он. — Да нет, я не могу бежать... Когда меня тут не будет, солдаты, пожалуй, убьют вас. Вы их не знаете. Они предложили помиловать меня, если я соглашусь провести их через Совальский лес. А когда они узнают, что меня нет, они будут способны на все.

Девушка не стала спорить. На все его доводы она ответила просто:

— Из любви ко мне — бегите. Если вы любите меня, Доминик, не оставайтесь здесь ни минуты.

Затем она сказала, что вернется в свою комнату. Никто не узнает, что она ему помогла. Наконец, чтобы убедить его, она в порыве непривычной страсти стала его обнимать, целовать. Он был побежден. Он только спросил:

— Поклянитесь, что ваш отец знает о вашем поступке и что он советует мне бежать.

— Отец сам послал меня, — решительно ответила Франсуаза.

Она лгала. В ту минуту она ощущала только страстное желание знать, что он в безопасности, избавиться от невыносимой мысли, что солнце явится вестником его смерти. Когда он будет далеко отсюда, пусть все несчастья обрушатся на нее; они покажутся ей сладостными, раз он останется в живых. Эгоизм ее привязанности прежде всего требовал, чтобы он был жив.

— Хорошо, — сказал Доминик, — я поступлю, как вам угодно.

После этого они уже не разговаривали. Доминик подошел к окну и распахнул его. Но раздавшийся вдруг шум поверг их в оцепенение. Дверь дрогнула, и они подумали, что ее отворяют. Вероятно, проходящий дозор услышал их голоса. Они замерли стоя, прижавшись друг к другу, и ждали в невыносимой тревоге. Дверь снова затряслась, но не растворилась. Каждый из них приглушенно вздохнул; теперь они поняли, что это перевернулся солдат, лежащий у порога. И действительно, воцарилась тишина, снова послышался храп.

Доминик во что бы то ни стало захотел, чтобы прежде Франсуаза вернулась к себе. Он обнял ее и молча попросился. Потом помог ей дотянуться до лестницы и сам тоже схватился за перекладину. Но он отказался спуститься хотя бы на ступеньку, прежде чем не убедится, что она в своей комнате. Вер-

нувшись к себе, Франсуаза произнесла голо-
сом, легким, как дуновение:

— До свиданья, любимый!

Она облокотилась на подоконник, она пы-
талась следить за Домиником. Ночь попреж-
нему была очень темная. Она старалась раз-
глядеть часового, но не нашла его; только
ива выступала во мраке бледным пятном. Од-
но мгновенье она слышала, как Доминик, спу-
скаясь, задевает плющ. Затем скрипнуло ко-
лесо, и раздался легкий всплеск, возвестив-
ший ей, что юноша нашел лодку. И в самом
деле, минуту спустя она разглядела на серой
поверхности Морели темный силуэт лодки.
Тогда страшная тревога снова сжала ей
горло. Ежеминутно ей казалось, что она
слышит тревожный крик часового; малей-
шие звуки, доносившиеся из темноты, каза-
лись ей торопливыми шагами солдат, лязгом
оружия, звуком заряжаемых ружей. Между
тем мгновенья текли, природа хранила свой
царственный покой. Доминик, вероятно, при-
ближался к тому берегу, Франсуаза уже ни-
чего больше не видела. Было величественно
тихо. Потом она услышала какой-то топот,
хриплый возглас, глухой шум упавшего тела.
После этого стало еще тише. Франсуаза, ка-
залось, почувствовала, как возле нее прошла
смерть, и она замерла, похолодев, перед ли-
цом непроницаемой ночи.

С самого рассвета мельница огласилась громкими раскатами голосов. Дядюшка Мерлье отпер комнату Франсуазы. Она спустилась во двор бледная, но очень спокойная. Но она не могла сдержать дрожи при виде трупа прусского солдата, положенного близ колодца на разостланной шинели.

Солдаты, стоявшие вокруг тела, размахивали руками и яростно кричали. Многие из них грозились кулаками в направлении села. Тем временем офицер распорядился позвать к себе дядюшку Мерлье, как мэра этой общины.

— Вот, — сказал он сдавленным от злобы голосом, — один из наших солдат, найденный убитым на берегу реки... Нам нужно примерно наказать убийцу, и я рассчитываю, что вы поможете нам его разыскать.

— Я к вашим услугам, — ответил мельник с обычной невозмутимостью. — Только это не легкое дело.

Офицер наклонился, чтобы приподнять полу шинели, закрывавшую лицо покойника. Показалась страшная рана. Часовому был нанесен удар в горло, и орудие убийства застряло в ране. Это был кухонный нож с черной рукояткой.

— Осмотрите нож, — сказал офицер дядюшке Мерлье, — быть может, он поможет нам в розысках.

Старик вздрогнул. Но он тотчас же взял себя в руки и ответил, не шевельнув ни единым мускулом лица:

— У нас в деревнях у всех такие ножи... Может быть, вашему солдату надоело воевать и он сам с собою расправился. Это бывает.

— Замолчите!—бешено закричал офицер.— Не знаю, что только мешает мне запалить ваше село со всех четырех сторон.

К счастью, гнев помешал ему обратить внимание на сильную перемену в лице Франсуазы. Она вынуждена была присесть на каменную скамью у колодца. Помимо воли глаза ее не могли оторваться от трупa, распластанного на земле, почти что у ее ног. Это был высокий и красивый парень, напоминавший Доминика, белокурый и голубоглазый. От этого сходства ее сердце сжалось. Она думала, что убитый, быть может, оставил там, в Германии, возлюбленную, которая будет плакать по нем. И она узнала в горле убитого свой нож. Это она убила его.

Пока офицер кричал, угрожая применить к Рокрёзу жестокие меры, к нему подбежало несколько солдат. Только сейчас обнаружилось, что Доминик бежал. Это вызвало невероятное волнение. Офицер отправился к месту происшествия, заглянул в растворенное окно, все понял и вернулся в крайнем раздражении.

Дядюшка Мерлье был, видимо, сильно раздосадован побегом Доминика.

— Дурак, — пробормотал он. — Все дело испортил.

Франсуаза, расслышавшая это, пришла в отчаяние. Впрочем, отец не подозревал о ее соучастии. Он покачал головой, сказав ей вполголоса:

— Ну, теперь попали мы в переplet!

— Это дело рук того мерзавца! Это его рук дело! — кричал офицер. — Он убежал в лес. Но пусть нам найдут его, иначе село за него расплатится!

Потом он обратился к мельнику:

— Ну-ка, вы, вероятно, знаете, где он находится?

Дядюшка Мерлье, по обыкновению, беззвучно рассмеялся и, указав на обширные лесистые холмы, сказал:

— Да разве тут найдешь человека!

— Ну, вероятно, есть ложбины, которые вы должны знать. Я дам вам людей. Вы укажете им дорогу.

— Охотно. Но, для того чтобы обойти все окружные леса, нам потребуется целая неделя.

Невозмутимость старика приводила офицера в бешенство. Он и сам понял нелепость этой облавы. Тут он как раз заметил на скамье бледную и дрожащую Франсуазу. Озабоченный вид девушки поразил его. Он на

мгновенье замолчал, по очереди разглядывая мельника и Франсуазу.

— Ведь этот человек — любовник вашей дочери? — грубо спросил он, наконец, у старика.

Дядюшка Мерлье побледнел; казалось, что он вот-вот бросится на офицера, чтобы задушить его. Но он сделал над собою усилие и промолчал. Франсуаза закрыла лицо руками.

— Да, так оно и есть, — продолжал пруссак: — либо вы, либо ваша дочь помогли ему бежать. Вы — соучастники... Спрашиваю еще раз: угодно ли вам выдать его?

Мельник не отвечал. Он отвернулся, безразлично уставившись вдаль, словно не к нему и обращались. Это окончательно вывело из себя офицера.

— В таком случае, — объявил он, — вы будете расстреляны вместо него.

И он снова распорядился вывести взвод для расстрела. Дядюшка Мерлье сохранял обычное безразличие. Он только слегка пожал плечами; вся эта драма казалась ему не очень-то складной. Разумеется, он не верил, что так легко расстрелять человека. Потом, когда на дворе появился взвод, он серьезно спросил:

— Так это не на шутку? Не возражаю. Если вам обязательно надо кого-нибудь, то чем же я хуже других?

Зато Франсуаза, обезумев, поднялась со скамьи и залепетала:

— Смилуйтесь, сударь, не причиняйте зла батюшке! Лучше убейте меня вместо него. Это я помогла Доминику бежать. Я одна виновата.

— Замолчи, дочурка!—воскликнул дядюшка Мерлье. — Зачем лжешь? Она провела ночь у себя в комнате, под запором, сударь. Она лжет, уверяю вас.

— Нет, я не лгу, — горячо возразила девушка. — Я вылезла в окно, я уговорила Доминика бежать. Это правда, истинная правда...

Старик сильно побледнел. Он видел по ее глазам, что она не лжет, и вся эта история привела его в ужас. Ах, эти дети! Уступая голосу сердца, они все портят. Тут он рассердился.

— Она с ума сошла, не слушайте ее! Она рассказывает вам чепуху. Давайте покончим с этим.

Франсуаза хотела еще что-то возразить. Она опустилась на колени, сложила руки. Офицер спокойно присутствовал при этой мучительной борьбе.

— Бог мой, — сказал он, наконец, — я беру вашего отца оттого, что другого уже нет у меня в руках... Постарайтесь разыскать того, и отец ваш будет свободен.

Мгновенье она пристально смотрела на него, и глаза ее расширились от чудовищности этого предложения.

— Это ужасно, — прошептала она. — Где же мне найти Доминика в этот час? Он ушел, и я больше ничего не знаю.

— Одним словом, выбирайте! Либо он, либо отец.

— О боже, да разве я могу выбрать? Даже если бы я знала, где Доминик, то и тогда не могла бы выбрать. Вы раздираете мне сердце... Я предпочитаю умереть. Да, это будет проще. Убейте меня, прошу вас, убейте меня...

Эта сцена отчаяния и слез в конце концов стала выводить офицера из терпения. Он воскликнул:

— Ну, довольно! Я буду великодушен; я предоставляю вам два часа сроку... Если через два часа ваш милый не будет здесь, то отец ваш поплатится за него.

И он распорядился отвести дядюшку Мерлье в ту самую комнату, которая служила тюрьмой Доминику. Старик попросил табаку и принялся курить. На его бесстрастном лице не отражалось никаких чувств. Лишь когда он остался один и стал курить, две крупные слезы медленно скатились по его щекам. Бедная, дорогая девочка, как она страдает!

Франсуаза осталась посреди двора. Прусские солдаты проходили мимо, посмеиваясь. Некоторые из них бросали ей какие-то словечки, какие-то шуточки, которых она не по-

нимала. Она смотрела на дверь, за которою только что исчез ее отец. И медленным движением она подняла руку ко лбу, как бы для того, чтобы он не раскололся.

Офицер повернулся на каблуках, повторив: — В вашем распоряжении два часа. Постарайтесь употребить их с пользой.

В ее распоряжении два часа! Эти слова гудели в ее мозгу. Она бессознательно вышла со двора и пошла куда глаза глядят. Куда идти? Что делать? Она даже не пыталась притти к какому-либо решению, так как сознавала тщетность своих усилий. Между тем ей хотелось бы повидать Доминика. Они поняли бы друг друга; сообщая они, быть может, придумают выход. В таком смятении мыслей она стала спускаться к берегу Морели и перешла ее под плотиною, в том месте, где лежали крупные камни. Ноги понесли ее к ближайшей иве, растущей в начале луга. Наклонившись, она заметила лужу крови и побледнела. Да, это произошло именно здесь. И она пошла по следам, оставленным Домиником в траве; повидимому, он бежал бегом: виднелся след широких шагов, наискось пересекавших луг. А дальше она потеряла след. Но на соседней лужайке ей показалось, что она вновь напала на него. Это привело ее к опушке леса, где все следы терялись.

Франсуаза все же вошла в чащу. Там она

чувствовала себя не такой одинокой. На минуту она села. Потом, вспомнив, что время уходит, она поднялась. Сколько времени прошло с тех пор, как она ушла с мельницы? Пять минут? Полчаса? Она потеряла представление о времени. Быть может, Доминик спрятался в лесочке, где они однажды вместе ели орехи? Она направилась туда, обошла лесок. Там взлетел только дрозд, издав свой нежный и грустный посвист. Тогда она подумала, что он спрятался в расселине скалы, где иногда поджидал ее, но расселина оказалась пустою. К чему искать? Она его не разыщет; но постепенно желание найти его все больше захватывало ее; она шла быстрее. Вдруг ей пришла в голову мысль, что он, вероятно, вскарабкался на дерево. И теперь она шла, глядя наверх, а чтобы он знал, что она близко, она через каждые пятнадцать-двадцать шагов окликала его. Кукушка отвечала ей. Когда в ветвях проносился шорох, ей казалось, что он тут и спускается вниз. Один раз ей даже представилось, что она видит его; она остановилась, у нее перехватило горло, и она почувствовала желание бежать. Что она скажет ему? Неужели она пришла для того, чтобы увести его с собою и чтобы его расстреляли? О нет, она об этом не скажет ни слова. Она крикнет ему, чтобы он бежал, чтобы не оставался в окрестностях. Потом мысль, что отец ждет ее, вызва-

да в ней острую боль. Она упала на траву, плача и повторяя вслух:

— Боже мой! Боже мой! Зачем я тут?

Она обезумела от сознания, что пришла сюда. И словно охваченная ужасом, она побежала, спеша выйти из лесу. Три раза она сбивалась в сторону и уже думала, что не отыщет мельницы, но вдруг вышла на луг, как раз против Рокрѣза. Завидев село, она остановилась. Значит, она вернется одна?

Она стояла на месте, когда чей-то голос тихонько окликнул ее:

— Франсуаза! Франсуаза!

И она увидела Доминика, высунувшего голову из рва. Боже праведный! Она его нашла! Значит, небо желает его смерти? Она подавила крик, сбежала в ров.

— Ты искала меня? — спросил он.

— Да, — ответила она, а в голове у нее гудело, и она сама не знала, что говорит.

— Ну, что там делается?

Она опустила глаза и прошептала:

— Да ничего; я беспокоилась, мне хотелось тебя повидать.

Тогда, успокоившись, он объяснил ей, что не хотел удаляться отсюда. Он опасался за них. Эти негодяи пруссаки вполне способны выместить злобу на женщинах и стариках. Словом, все шло прекрасно, и он добавил смеясь:

— Отложим свадьбу на неделю, вот и все.

Потом, заметив, что она все так же расстроена, он нахмурился.

— Но что с тобою? Ты от меня что-то скрываешь.

— Нет, клянусь тебе! Я бежала сюда бегом.

Он обнял ее, сказав, что и для нее и для него небезопасно разговаривать здесь; и он собрался вылезть из рва, чтобы снова уйти в лес. Она дрожала.

— Послушай! Может быть, все-таки лучше бы тебе остаться здесь?.. Тебя никто не ищет, тебе нечего опасаться.

— Франсуаза, ты что-то от меня скрываешь, — повторил он.

Она снова поклялась, что ничего не скрывает. Только она предпочла бы знать, что он возле нее. И она пролепетала еще несколько других доводов. Она показалась ему такой странной, что теперь он сам отказался бы уйти. К тому же он верил в возвращение французов. Кто-то видел войска в окрестностях Совая.

— Ах, хоть бы они поторопились, хоть бы пришли поскорее! — горячо прошептала она.

В это время на рокрзской колокольне пробило одиннадцать. Удары доносились звонко и отчетливо. Она вскочила в испуге; прошло уже два часа, как она ушла с мельницы.

— Послушай, — проговорила она быстро, — если ты нам понадобишься, я подымусь в свою комнату и помашу платком.

И она побежала, а встревоженный Доминик лег на краю рва, чтобы наблюдать за мельницей. Подходя к Рокрёзу, Франсуаза встретила старика-нищего, дядюшку Бонтана, знавшего всю округу. Он поклонился; он только что видел мельника, окруженного пруссаками; потом, крестясь и что-то бормоча, он пошел своею дорогой.

— Два часа истекли, — сказал офицер, когда появилась Франсуаза.

Дядюшка Мерлье сидел тут же на скамье, у колодца. Он попрежнему курил. Девушка снова стала умолять, плакала, становилась на колени. Надежда на возвращение французов усилилась в ней, и в то время как она рыдала, ей казалось, что она слышит вдалеке размеренную поступь войска. О, если бы только они появились, если бы только освободили их всех!

— Послушайте, сударь... еще час, еще один только час... Ведь вы можете предоставить нам еще час.

Но офицер был непреклонен. Он даже приказал двум солдатам схватить ее и увести, чтобы спокойно приступить к расстрелу. Тогда в сердце Франсуазы разыгралась страшная борьба. Она не могла допустить, чтобы так убили ее отца. Нет, нет, скорее она сама умрет вместе с Домиником; и она рванулась в свою комнату, но в это время сам Доминик появился на дворе.

Офицер и солдаты испустили торжествующий крик. А он, словно здесь никого не было, кроме Франсуазы, подошел к ней, спокойный, но немного строгий.

— Нехорошо, — сказал он. — Почему вы не привели меня? Если бы дядюшка Бонтан не рассказал мне, что творится... Одним словом, вот я.

ГЛАВА V

Было три часа. Большие черные тучи, охвостья грозы, пронесшейся где-то поблизости, медленно заволокли небосклон. Желтое небо, медные рваные облака превратили Рокрёзскую долину, столь веселую при солнце, в разбойничий вертеп, полный подозрительных теней. Прусский офицер ограничился тем, что приказал посадить Доминика под замок, ни словом не обмолвившись об участии, которую он ему готовит. С полудня Франсуаза изнемогала в невыносимой тоске. Она не соглашалась уйти со двора, несмотря на отцовские настояния. Она ждала французов. Но часы текли, скоро должно было стемнеть, и она мучилась тем сильнее оттого, что, видимо, все это выигранное время не должно было изменить страшной развязки.

Тем временем, часов около трех, пруссаки стали готовиться к отходу. Уже несколько

минут офицер, как и накануне, заперся наедине с Домиником. Франсуаза поняла, что решается вопрос о жизни юноши. Тогда она сложила руки и стала молиться. Дядюшка Мерлье сидел возле нее молча и неподвижно, как старый крестьянин, привыкший покоряться неизбежности событий.

— О боже мой, боже мой! — лепетала Франсуаза. — Они его убьют.

Мельник привлек ее к себе и, как ребенка, взял на колени.

В эту минуту офицер вышел из дому, а за ним двое солдат вывели Доминика.

— Ни за что, ни за что! — кричал он. — Я готов умереть.

— Подумайте хорошенько, — заговорил офицер. — Услугу, в которой вы нам отказываете, всякий нам окажет... Я предлагаю вам жизнь, я великодушен... Нужно всего-навсего проводить нас до Монредона, через лес. Должны быть тропинки.

Доминик молчал.

— Итак, вы упрямитесь?

— Убейте меня, и кончим на этом, — ответил он.

Франсуаза, сложив руки, издали умоляла его. Она позабыла все, она готова была толкнуть его на низость. Но дядюшка Мерлье схватил ее за руки, чтобы пруссаки не видели поведения этой обезумевшей женщины.

— Доминик прав, — прошептал он, — лучше умереть.

Взвод, выстроенный для расстрела, стоял тут же. Офицер ждал, что Доминик дрогнет. Он все еще рассчитывал его убедить. Наступило молчание. Вдали слышались неистовые раскаты грома. Тягостная жара придавила природу. И вот среди этой тишины разнесся крик:

— Французы! Французы!

И в самом деле, это были французы. На Совадальской дороге, вдоль опушки леса обозначилась линия красных шаровар. На мельнице поднялось страшное волнение. Прусские солдаты бегали, издавая гортанные крики. А между тем еще не было произведено ни одного выстрела.

— Французы! Французы! — кричала Франсуаза, хлопая в ладоши.

Она словно обезумела. Она вырвалась из рук отца и хохотала, размахивая руками. Пришли же они все-таки, и пришли во-время, — ведь Доминик еще здесь, еще на ногах!

Ужасный залп, раздавшийся около нее, заставил ее обернуться. За мгновение до того офицер проронил:

— Прежде всего, покончим с этим делом.

И, собственноручно подтолкнув Доминика к стене сарая, он приказал стрелять. Когда Франсуаза обернулась, Доминик лежал на земле с двенадцатью пулями в груди.

Она не заплакала, она окаменела. Глаза ее стали неподвижными, она подошла и опустилась у амбара, в нескольких шагах от трупа. Она смотрела на него; временами она по-детски делала неопределенное движение рукою. Дядюшку Мерлье пруссаки увели в качестве заложника.

Это был славный бой. Офицер быстро расставил своих людей, поняв, что отдать распоряжение об отходе — значит дать возможность разгромить себя. Лучше уж было подождать продать свою жизнь. На этот раз пруссаки защищали мельницу, а французы нападали на нее. Началась неслыханно ожесточенная перестрелка. Она не смолкала целых полчаса. Потом раздался глухой взрыв, и ядро сломало могучий сук векового вяза. У французов имелись пушки. Батарея, установленная как раз надо рвом, где прятался Доминик, обстреливала рокрёзскую улицу. Теперь уже борьба не могла долго продолжаться.

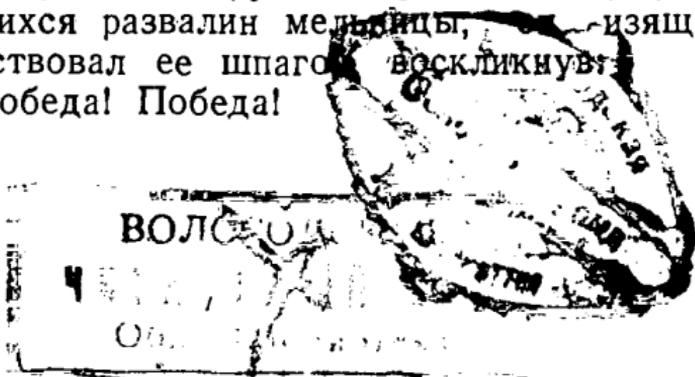
Ах, бедная мельница! То тут, то там ее пробивали ядра. Полкрыши было снесено. Две стены обрушились. А особенно плачевные разрушения были произведены со стороны Морели. Плющ, сорванный с расшатанных стен, свисал, как лохмотья; речка уносила всевозможные обломки, а через брешь видна была комната Франсуазы, ее кровать с тщательно задернутым белым пологом. В старое колесо одно за другим попали два ядра, и колесо из-

дало последнее стечение: река понесла его лопасти, остов рассыпался. И от веселой мельницы отлетела ее душа.

Затем французы пошли на приступ. Произошла жестокая рукопашная схватка. Небо приняло ржавый оттенок, овраг наполнялся трупами. Обширные пастбища с редкими высокими деревьями и занавесами тополей, бросавших на луга пятна тени, приняли зловещий вид. Справа и слева леса стояли, словно стены цирка, окружающие бойцов, в то время как в журчании источников, фонтанов и ручейков слышались всхлипывания смятенной природы.

Франсуаза, присевшая у сарая возле тела Доминика, не двигалась с места. Дядюшка Мерлье был убит на месте шальной пулей. Когда всех пруссаков перебили, французский капитан первым вошел во двор пылающей мельницы. Это был его первый успех с самого начала войны. Весь разгорячась, выпрямив высокий стан, он смеялся с добродушным видом красавца-кавалериста. И, заметив обезумевшую Франсуазу между трупами мужа и отца, среди дымящихся развалин мельницы, изыщно приветствовал ее шпагой.

— Победа! Победа!

25 коп.

ГОСЛИТИЗДАТ
1941